

УДК 81'23 + 81'25

DOI: 10.26456/vtfilol/2021.4.266

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ПРЕДМЕТНЫХ И ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ВТОРИЧНЫХ ОБРАЗОВ НА РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

А.Г. Шипулин

Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского, г. Брянск

Статья посвящена исследованию влияния вторичных образов различного типа на перевод художественного текста. Результаты эксперимента подтверждают ведущую роль предметных образов для нахождения адекватных решений. Также показано наличие умеренной обратной корреляции между уровнем образного мышления в целом и количеством неадекватных трансформаций в переводе. Выявлено негативное влияние на результаты перевода низкого пространственного воображения.

Ключевые слова: опросник, вторичный образ, предметное и пространственное воображение, процесс перевода, корреляционный анализ.

Современные теории восприятия текста предполагают интеграцию известной читателю информации с текстовой информацией, при этом у читателя образуется динамичная интегративная модель ситуации, различные аспекты которой имеют в своем основании нейрофизиологическую активность, сходную с той же, что имеет место при реальном восприятии аналогичных предметов и ситуаций (7; 17). Исходя из того факта, что ментальные образы являются в некотором смысле изоморфными перцептивной информации, что вторичные образы вполне могут иметь те же модальности, что и перцепции, минимальный список которых включает пять модальностей, соответствующих органам чувств, а также кинестетическую и висцеральную (восприятие деятельности внутренних органов) [3], Б.Г. Ананьев называл одиннадцать видов ощущений [1], хотя вероятно, что и этот список не является исчерпывающим.

При этом не все перцептивные модальности являются равнозначными. Известно, что основную роль в познании у зрячих людей играет зрительное восприятие, и 80% деятельности человека осуществляется под зрительным контролем. Б.Г. Ананьев, говоря о доминантности зрительной системы, подчеркивает ее способность к «переводу сигналов любой модальности на предметно-пространственные схемы, то есть визуализации всего чувственного опыта в целом» [2: 86]. Иными словами, зрительные образы – наиболее «опредмечены».

В то же время, поскольку восприятие является целостным, у индивида не активизируется только одна какая-либо модальность, например, зрительная, но в той или иной мере все модальности, которые были бы задействованы при реальном нахождении в соответствующих условиях. Поэтому, если исходить из данных об образах зрительной модальности, вероятно, будет правильно делать определенные выводы и об интегративных образах вообще.

Построение образов – как перцептов, так и вторичных репрезентаций, – представляет собой деятельностный процесс, поэтому, помимо модальности,

мысленные образы различаются по чувственному тону, степени ясности, большей или меньшей устойчивости, ракурсу и т.п. [4]. Применительно к зрительной модальности М. Кожевников с соавторами доказали существование мысленных образов двух различных типов: предметных и пространственных, индивидуальная склонность к продуцированию которых может отличаться от индивида к индивиду и сказываться на успешности выполнения тех или иных задач [12]. Предметные образы представляют собой иконические, аналоговые репрезентации предметов и сцен, а пространственные – более схематичные, сконцентрированные на пространственных отношениях. Эта концепция подтверждается нейронаучными исследованиями, согласно которым обработка различных аспектов визуальной информации происходит при помощи двух различных нейронных путей – вентрального и дорсального. Первый предназначен для обработки внешнего вида предметов и сцен с точки зрения их формы, цвета и текстуры, второй служит для обработки расположения объекта, движения, пространственных отношений и трансформаций, причем нейронная активность в каждом из этих путей различается у разных индивидов в зависимости от их способностей к выполнению заданий определенного типа: низкая нейронная активность при успешном выполнении задания говорит о более эффективном использовании ресурсов соответствующего нейронного пути [10; 14]. В этом контексте предметное и пространственное воображение представляют собой два типа предрасположенности индивида к обработке информации.

В случае с восприятием текста индивид имеет дело, прежде всего, с вербальной информацией. Для того, чтобы определить, преимущественно какими способами происходит обработка информации, были разработаны многочисленные тесты и опросники. К числу самых известных принадлежит «Опросник вербализаторов/визуализаторов» (Verbalizer-Visualizer Questionnaire, VVQ) А. Ричардсона [15], в который также включены 15 вопросов из более раннего «Опросника индивидуальных различий» (Individual Differences Questionnaire) А. Пайвио [16]. Независимые исследования, однако, показали, что опросник А. Ричардсона, во-первых, обнаруживает довольно низкую внутреннюю согласованность; во-вторых, визуальная субшкала опросника плохо коррелирует с результатами других тестов и практических заданий [13]. Большинство других опросников, касающихся индивидуальных когнитивных стилей, также имеют недостаточную прогностическую валидность [11], и, кроме того, не имеют непосредственного отношения к ментальным образам, что делает данные опросники малопригодными для нашего исследования.

Учитывая недостатки предыдущих опросников, О. Блаженкова и М. Кожевников разработали «Опросник предметного и пространственного воображения и вербальных способностей» (Object Spatial Imagery and Verbal Questionnaire) [9], конвергентная валидность которого была продемонстрирована при помощи сопоставления данных опроса с результатами выполнения испытуемыми различных практических задач, например, узнавание искаженных изображений предметов, мысленное вращение и т.п. [8]. Также опросник показал хорошую внутреннюю согласованность, конструктивную валидность и ретестовую надежность [9].

Опросник включает в себя три раздела по 15 утверждений каждый. Два раздела относятся к образному мышлению, и один – к обработке вербальной информации. Пункты из разных разделов даются в случайном порядке. Испытуемым предлагается оценить по пятибалльной шкале то, насколько каждое утверждение соответствует их способностям и склонностям – от 1 (совершенно не соответствует) до 5 (полностью соответствует). Итоговая оценка по каждому подразделу – это среднее значение ответов по 15 пунктам. Раздел «Предметное воображение» позволяет оценить способность строить красочные и детализированные мысленные образы не только предметов, но и сцен, ситуаций. Пример утверждения данного раздела: «Мои мысленные представления предметов очень точно и детально отражают размер, форму и цвет виденных мною реальных предметов». Раздел «Пространственное воображение» оценивает способность к когнитивной обработке местоположения предметов, их движения и преобразования при помощи более абстрактных и схематичных мысленных образов. Средняя оценка по пунктам третьего раздела измеряет предрасположенность к использованию вербальных стратегий.

В нашем эксперименте принял участие 61 студент III–V курсов факультета иностранных языков Брянского госуниверситета: 15 (25 %) студентов III курса, 57 (52 %) студентов IV курса, 11 (18 %) студентов V курса. Для всех русский язык является родным, а английский – основным изучаемым иностранным языком. Опрос проходил в очной форме по индивидуальному опросному листу.

Для каждого испытуемого была вычислена средняя оценка по каждому из трех подразделов опросника. Четыре пункта опросника являются обратными вопросами, поэтому при обработке результатов данные оценки были заменены на противоположные [(1=5), (2=4), (3=3), (4=2), (5=1)].

Анализ данных методами описательной статистики позволил нам найти ключевые показатели, обобщающие исследуемые показатели в группе испытуемых в целом. Среднее значение – это усредненное значение всех данных, позволяющее рассчитать промежуточный показатель, который необходим для статистического анализа. Стандартное отклонение – мера разброса данных вокруг среднего значения. Разница между минимальным и максимальным значениями отображает интервал возможных значений. Значения асимметричности и эксцесса позволяют оценить нормальность распределения. В данном случае их модули не превышают единицы, поэтому распределение оценок по каждому подразделу можно считать близким к нормальному (см. Табл. 1).

Табл. 1. Показатели описательной статистики

Статистический показатель	Предметное воображение	Пространственное воображение	Вербальные способности
Среднее	3,89	2,24	3,23
Стандартное отклонение	0,57	0,49	0,41
Эксцесс	0,52	-0,07	0,37
Асимметричность	-0,67	0,50	0,54
Интервал	2,60	2,00	2,00
Минимум	2,33	1,47	2,27
Максимум	4,93	3,47	4,27

Как показывают величины максимумов, минимумов и среднего значения, способности к предметному воображению испытуемые, как правило, оценивали выше, чем вербальные способности и склонности к пространственному мышлению. Этот результат согласуется с выводами предыдущих психометрических исследований [8]. Поскольку в нашем исследовании участвовали только студенты факультета иностранных языков, мы ожидаемо получили несколько меньший разброс значений по всем трем показателям в сравнении с данными опроса О. Баженковой и М. Кожевников [9], в котором участвовали студенты разных специализаций, включая естественнонаучные и технические; при этом мы получили более высокие средние значения по предметному воображению и вербальным способностям (3,89 против 3,63 и 3,23 против 2,99 соответственно), но меньшее значение по пространственному воображению (2,24 против 2,83).

На втором этапе эксперимента участники получили задание перевести художественный текст объемом 2630 знаков. Результаты перевода были сопоставлены с данными анкетирования. В качестве текста был предложен отрывок из первой главы романа Ф. Томсон "Still Glides the Stream" (от *The Oxfordshire village of Restharrow... is a long, straggling place... до ... was for years one of the sights of the village*). Отрывок представляет собой фрагмент описания вымышленной деревни, в которой происходит действие, и не требует для своего понимания знакомства со всем текстом романа. Выбор продиктован тем, что отрывок содержит достаточно много визуальных образов, разнообразных характеристик живых и неживых объектов, описаний их пространственного расположения и движения, фрагменты прямой и косвенной речи. Роман не выходил на русском языке, что исключает влияние на испытуемых какого-либо прежнего русского перевода.

Переводы испытуемых сопоставлялись с оригинальным текстом и между собой. Мы исходили из предположения, что сам факт неадекватности формальных межъязыковых соответствий интегративному образу действительности, описываемому в тексте, с большей вероятностью должен быть отмечен теми переводчиками, которые проявляют сравнительно высокую предрасположенность к когнитивной обработке информации при помощи вторичных мысленных образов. Соответственно, такое осознание неадекватности целостному образу ситуации будет инициировать поиск других, более подходящих вариантов перевода, что должно найти отражение в переводном тексте.

В отличие от наших предыдущих публикаций [5; 6], где мы рассматривали перевод ограниченного числа фрагментов, здесь мы стремились учесть всю совокупность как адекватных трансформаций, использованных при переводе каждым испытуемым, так и ошибочных вариантов. Соответственно, для анализа мы подсчитали в переводе каждого испытуемого 1) количество использованных формальных соответствий, не подходящих для данной ситуации (буквализмы), таких, как передача звучания слова в ущерб смыслу (*dilly-dilly* – «дилли-дилли», вместо «ути-ути»), использование контекстуально неподходящего распространенного значения (*file* – *шеренга*, вместо контекстуально подходящего *ряд*; *light*

switches – выключатели, вместо прутики), неудачное копирование синтаксической структуры (... но каждое дерево с его живым пучком из серебристо-зеленых листьев) 2) количество адекватных трансформаций и значений (при наличии вариативности), т.е. вариантов, не являющихся буквальным переводом и соответствующих логике и смыслу всего отрывка 3) количество неадекватных трансформаций, в значительной степени искажающих смысл и логику текста (*to call in those belonging to their families* – призывать родных, вместо звать своих уток). Кроме того, мы сочли целесообразным выделить группу 4) условно адекватных трансформаций, т.е. соответствующих логике итогового переводного текста, но не смыслу оригинала (*light switches* – фонарики). Для каждого испытуемого была подсчитана процентная доля таких фрагментов по отношению к сумме вариантов, относящихся ко всем четырем вышеперечисленным группам.

Для проверки связи способности/склонности к построению разных видов мысленных образов (предметного и пространственного воображения) и долями адекватных и неадекватных переводческих решений был проведен корреляционно-регрессионный анализ. Ниже можно видеть коэффициенты корреляции трех субшкал опросника с относительным количеством переводческих решений разного рода (см. Табл. 2).

Табл. 2. Корреляционная матрица

	Предметное воображение	Пространственное воображение	Вербальные способности
Буквализмы	-0,43	0,04	-0,09
Адекватные варианты	0,69	0,08	0,24
Неадекватные трансформации	-0,41	-0,46	0,17
Условно адекватные варианты	0,08	0,05	-0,23

Как мы видим, наибольший коэффициент корреляции между предметным воображением и долей адекватных переводов составил 0,69, что само по себе является значимой величиной, однако этот результат несколько ниже, чем результат, полученный нами ранее при анализе перевода испытуемыми фиксированного числа фрагментов оригинала [5; 6]. Далее приведена диаграмма рассеяния данных с линией тренда (см. Рис. 1).

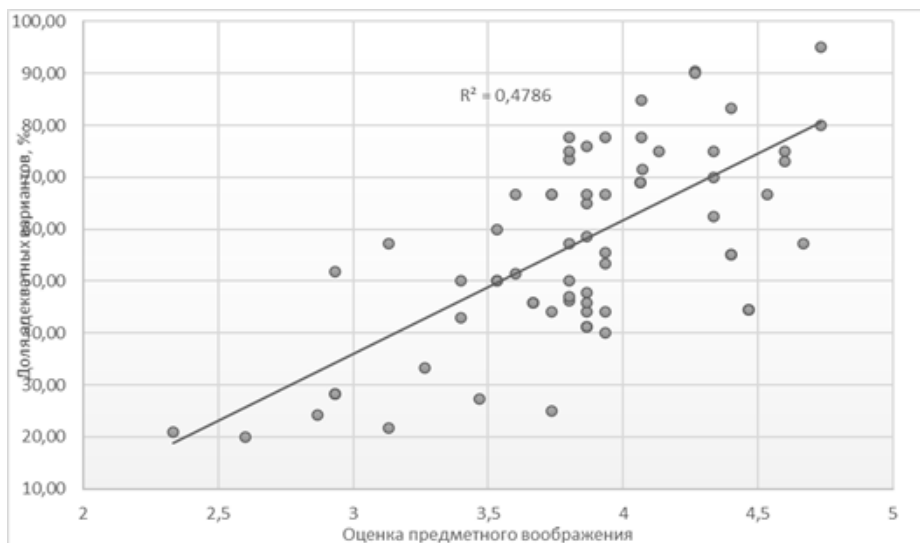

Рис. 1. Диаграмма рассеяния 1 с линией тренда

В соответствии со шкалой Р. Чеддока полученный результат свидетельствует в пользу наличия средней силы связи между рассматриваемыми переменными. Однако, как можно наглядно видеть на диаграмме, такое сравнительно невысокое значение коэффициента корреляции связано со значительным разбросом небольшого количества точек, в то время как основная их масса образует довольно плотное вытянутое облако, из чего следует, что теснота связи между параметрами для большинства испытуемых должна быть выше, чем предполагает найденная величина коэффициента корреляции.

Рассмотрев нетипичные значения, мы обнаруживаем, что большая их часть соответствуют результатам испытуемых с низкой оценкой пространственного воображения ($\leq 1,95$). После удаления 17 точек, соответствующих данным испытуемым, диаграмма приобретает следующий вид (см. Рис. 2).

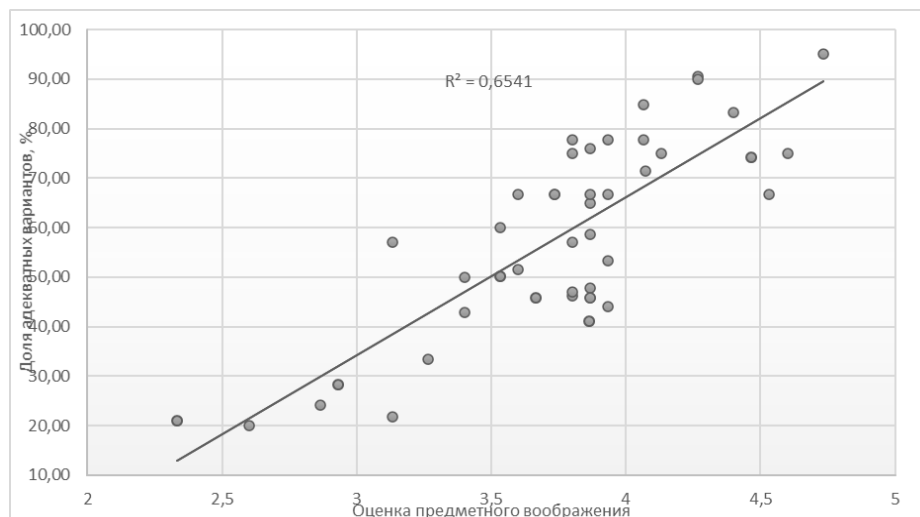

Рис. 2. Диаграмма рассеяния 2 с линией тренда (без 17 точек)

Коэффициент корреляции при этом возрастает до 0,81, что по шкале Р. Чеддока соответствует высокой силе связи между параметрами. Вместе с тем, уровень корреляции пространственного воображения с долей адекватных переводных соответствий для всей выборки остается низким (коэффициент линейной корреляции – 0,10).

Таким образом, мы видим, что ведущую роль при выборе адекватных вариантов перевода, как и ожидалось, играет предметное воображение. На его фоне влияние пространственного воображения, т.е. способности к построению схем и выявлению пространственных отношений, в большинстве случаев остается малозаметным и становится статистически значимым при значении ниже определенного порогового уровня, что проявляется в меньшей доле адекватных переводческих решений.

Возвращаясь к корреляционной матрице (см. Табл. 2), также можно отметить умеренную отрицательную корреляцию между долей неадекватных трансформаций в переводе и оценками образного мышления, причем в данном случае это касается как предметного, так и пространственного воображения (коэффициенты -0,41 и -0,46 соответственно). В связи с этим представляется целесообразным в дальнейшем подробнее изучить роль пространственного воображения в процессе перевода и его влияния на качество продукта перевода, т.е. текста.

Список литературы

1. Ананьев Б.Г. Сенсорно-перцептивная организация человека // Познавательные процессы: ощущения, восприятие. М.: Педагогика, 1982. С. 9–31.
2. Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания / Под редакцией А.А. Бодалева. М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996.
3. Бандурка Т.Н. Полиmodalность восприятия в обучении // Как раздвинуть границы познания: Монография. Иркутск: Оттиск, 2005. 204 с.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
5. Шипулин А.Г. Влияние индивидуальных особенностей использования мысленных образов на переводческие решения при переводе художественного текста (на материале эксперимента) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2021. № 7. С. 2236–2240.
6. Шипулин А.Г. Эмпирическое исследование роли мысленных образов при переводе художественного текста // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2021. № 2. С. 254–259.
7. Barsalou L.W. Perceptual symbol systems // Behavioral and Brain Sciences. 1999. Vol. 22(4). Pp. 577–660.
8. Blajenkova O., Kozhevnikov M. & Motes M.A. Object-spatial imagery: A new self-report imagery questionnaire // Applied Cognitive Psychology. 2006. Vol. 20 (2). Pp. 239–263.
9. Blazhenkova O. & Kozhevnikov M. The new object-spatial-verbal cognitive style model: Theory and measurement // Applied Cognitive Psychology. 2009. Vol. 23 (5). Pp. 638–663.
10. Kosslyn S.M., Thompson W.L. & Ganis G. The case for mental imagery. New York, NY: Oxford University Press, 2006.

11. Kozhevnikov M. Cognitive styles in the context of modern psychology: Toward an integrated framework of cognitive style // Psychological Bulletin. 2007. Vol. 133 (3). Pp. 464–481.
12. Kozhevnikov M., Motes M.A. & Hegarty M. // Spatial visualization in physics problem solving // Cognitive science. 2006. Vol. 31 (4). P. 549–579.
13. Mayer R.E. & Massa L.J. Three Facets of Visual and Verbal Learners: Cognitive Ability, Cognitive Style, and Learning Preference // Journal of Educational Psychology. 2003. Vol. 95 (4). Pp. 833–846.
14. Motes M.A., Malach R. & Kozhevnikov M. Object-processing neural efficiency differentiates object from spatial visualizers // Neuroreport. 2008. Vol. 19 (17). Pp. 1727–1730.
15. Richardson A. Verbalizer-visualizer: A cognitive style dimension // Journal of Mental Imagery. 1977. Vol. 1. Pp. 109–125.
16. Paivio A. Imagery and verbal processes. New York: Holt, Rinehart & Winston. 1971.
17. Zwaan R.A. The immersed experiencer: Toward an embodied theory of language comprehension. // The Psychology of Learning and Motivation. Vol. 44. Academic Press; New York: 2004. Pp. 35–62.

EMPIRICAL STUDY OF THE INFLUENCE OF SECONDARY OBJECT AND SPATIAL IMAGERY ON A LITERARY TEXT TRANSLATION

A.G. Shipulin

Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University

The article aims to investigate the influence of different types of secondary mental images on literary text translation. Our experimental data confirm a strong role of object imagery for finding adequate translation solutions, as well as suggest a moderate negative correlation between individual imagery scores and the number of inadequate translation solutions. A low level of spatial imagery may negatively affect the translator's choices.

Keywords: *questionnaire, secondary mental image, object and spatial imagery, translation process, correlation analysis*

Об авторе:

ШИПУЛИН Алексей Григорьевич – аспирант кафедры теории английского языка и переводоведения Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, (241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д.14); e-mail: alx.shipulin@gmail.com